

Эти вздорные, с потолка взятые нелепицы, сколь бы дикими они ни были, всегда находили тех, кто в них верил. Тем более что в Чжуине почти поголовно знали одну вещь:

Третий господин Шэнь, Шэнь Фаши, был нечистокровным.

Шэнь Фаши был не сыном законной супруги своего отца, Шэнь Дунчжо, а плодом мимолётной связи.

Шэнь Дунчжо был ранен на охоте на яо, встретил девушку, та выходила его, они сошлись в страсти, но страсть оказалась краткой. Шэнь Дунчжо провёл у девушки семь ночей, после чего, счётши, что негоже поступать так с законной женой, поспешил удалиться. И кто бы мог подумать, что год спустя соседка той девушки с младенцем в пелёнках постучит в ворота рода Шэнь в Чжуине, а сама девушка канет в небытие, словно её и не было.

Сколько грязи можно было накопать в этой истории для тех, кто жаждал сплетен, — и говорить нечего.

— Если бы Шэнь Фаши вернулся живым и невредимым, эти пересуды сточили бы его до полусмерти.

— Если бы Шэнь Фаши пал на поле боя, эти пересуды умалили бы его заслуги вдвое, заставляя людей вздыхать: «Эх, хорош был человек, да на кривую дорожку свернул».

Предположения Цзи Саньмэя Цзи Лючэнь подтвердил:

— Старший брат прав. После того как Шэнь Фаши ушёл, весь город только и говорил, что он нечистокровный, что мать его — колдунья из Мяо, а значит, в нём и кровь яо течёт. Посылать его воевать с последователями демонического пути — всё равно что натравить воду на воду. Если Шэнь Фаши вдруг перевернётся на сторону...

Цзи Саньмэй был категоричен:

— Чушь собачья.

Цзи Лючэнь согласно кивнул:

— ... Ещё говорили, будто Шэнь Фаши дурного нрава, к мужской любви склонен, да с тобой, старший брат, в заговоре был, в протivoестественной связи пребывал.

Цзи Саньмэй спросил:

— ... Кто это говорил?

Цзи Лючэнь, опасаясь гнева брата, мигом сдал имя: молодой господин Дин Шию из рода Дин в Чжуине болтал на стороне, и так живописно, словно сам под кроватью подслушивал и воочию лицезрел их грязную любовную связь.

Цзи Саньмэй порешил, что, когда вернётся в Чжуинь, обязательно найдёт время побеседовать с этим молодым господином Дином, да постарается вытянуть из него побольше подробностей. Если окажется, что тот брешет, — ноги переломает.

— В те годы в Чжуине был полный хаос, слухи неслись со всех сторон. Даже те старшие, что у власти были, включая самого главу рода Шэнь, Шэнь Дунчжо, сомневались в происхождении Шэнь Фаши... — Цзи Лючэнь с болью взирал на своего брата, заново в мир явившегося, —

Старший брат, ты столько для этого дела сил положил, а Шэнь Фаши знает?

Цзи Саньмэй, затянувшись, рассмеялся:

— Я сам-то не помню, с чего бы ему знать?

Цзи Лючэнь умолк.

Видя, что глупый младший брат загрустил, Цзи Саньмэй естественно сменил тему:

— Ну, а как там поживают молодые господа и барышни Чжуиня? А наш герой Чжоу?

Если говорить о ровесниках в Чжуине, то больше всех Цзи Саньмэй ценил Чжоу Ижэнь из рода Чжоу. Нрав у той девушки был огненный, зло она ненавидела лютой ненавистью, сплетни за спиной не жаловала. Не понравилось ей, как он подлыми способами Лунган захватил, — так она сама к нему пришла, напрямик все доводы изложила. Они с ней тогда выпили, с утра до вечера, и хоть к согласию в итоге не пришли, но в питье сошлись на удивление, так что чуть не побратались — названными братьями стали бы.

Цзи Лючэнь:

— ... Кхм.

Цзи Саньмэй:

— Ты чего кашляешь? Что с героем Чжоу?

Цзи Лючэнь:

— Кхм-кхм-кхм, старший брат, дым-то у тебя какой едкий.

На способности младшего брата уводить тему Цзи Саньмэй смотреть не мог, поэтому великодушно пошёл у него на поводу и более о своём славном «брате» Чжоу не заговаривал.

Цзи Саньмэй продолжил:

— А после моего ухода я героем Чжуиня стал?

Цзи Лючэнь, похоже, тоже не желал эту тему трогать. Он опустил голову и молчал, лишь в уголках глаз чуть проступила краснота.

Цзи Саньмэй понял, потрепал его по голове и снова сменил тему:

— А Вэй Тин — это кто?

Тут уже удивился Цзи Лючэнь:

— Старший брат, Атина не помнишь?

Цзи Саньмэй припомнил имя, которое слышал в деревне Ишуй, и в голове у него всё встало на свои места.

Уходя из деревни Ишуй, он больше не заходил к Ли Хуань, ибо та была поглощена похоронами сестры.

В те годы её сестра, Ли Жоу, была в него безнадежно влюблена, и Лун Фэйань воспользовался этим, чтобы вытянуть из неё душу. Теперь, когда Лун Фэйань мёртв, злая сила человеческого жертвоприношения иссякла, и та душа, что была заточена, наконец смогла ступить на путь перерождения, а тело Ли Жоу предалось тлену.

Смерть Ли Жоу стала для неё избавлением, а возможно, и для Ли Хуань тоже.

Но вот сможет ли она сама пробудиться от кошмара по имени Вэй Тин — этого Цзи Саньмэй сказать не мог.

Будь у него возможность, он бы с радостью проник в её память, вытащил оттуда того юношу по фамилии Вэй и имени Тин и посмотрел, какую же он имел наружность.

Проклятая дыра в памяти выкорчевала этого человека с корнем, оставив лишь зыбкий провал, словно из зыбучего песка.

Он подробно обсудил с Цзи Лючэнем каждого в Чжуине — от дворовой жёлтой собаки рода Вэй до имён трёх братьев рода Шэнь, а также более пятидесяти знатных родов со всех концов города. В итоге Цзи Саньмэй убедился: все имена в его памяти на месте, не хватает лишь одного — Вэй Тиня.

... Что же такого особенного в этом Вэй Тине, что он стёр его из памяти целиком?

О Вэй Тине, как почувствовал Цзи Саньмэй, спрашивать бесполезно. Лучше расспросить Вэй Юаня — может, информация окажется надёжнее.

Братья говорили обстоятельно, восстановив цепочку событий перед смертью Цзи Саньмэя в полную временную линию.

Цзи Саньмэй не спрашивал, как Цзи Лючэнь прожил эти годы после его смерти, и не расспрашивал о том, как проходило древесное погребение. Некоторые вещи, если копнуть слишком глубоко, ранят и того, и другого.

А Цзи Лючэнь отвечал на каждый вопрос Цзи Саньмэя с предельной серьёзностью. Его горящий, ясный взгляд был прикован к старшему брату. К его пальцам, ресницам, губам, к каждому зубчику, что мелькал, когда тот говорил. Цзи Лючэнь с невероятной скоростью осваивался с новым телом брата и быстро им зачаровался.

— Старший брат вернулся. Это мой старший брат.

Лишь спустя три полноценных часа Цзи Саньмэй закончил беседу, подошёл к двери и распахнул её, а за ним, словно хвостик, последовал Цзи Лючэнь.

Шэнь Фаши, стоявший у двери неизвестно сколько времени, естественным движением притянул ребёнка к себе и вытер ему лоб заранее приготовленным платком:

— Ну как? Не проголодался?

Вэй Юань, стоявший рядом, фыркнул, всем видом выражая презрение к подобному непотребству.

Цзи Саньмэй, задрал личико, ухватился за руку Шэнь Фаши:

— Мы с папочкой решили, надо в Чжуинь вернуться.

Цзи Саньмэй хотел узнать, что же именно случилось тогда в Чжуине, что вынудило его инсценировать смерть, и что произошло потом, отчего он ослеп и оказался вместе с Вэй Тином в пределах Юньяна.

Шэнь Фаши замедлил движение.

... Чжуинь. Он не был там уже восемь лет.

Размышляя об этом, Шэнь Фаши взял руку Цзи Саньмэя и прохладной, смоченной в воде тряпицей обтер ему ладонь:

— Когда думаешь выдвигаться?

Цзи Саньмэй улыбнулся глазами:

— Когда у наставника будет время.

Шэнь Фаши:

— Скажешь, когда — время будет.

Вэй Юань:

— ...

Он терпеть не мог подобных отношений, а сейчас прямо перед ним двое этим самым и занимались. Глазам было больно, и он предпочёл отвернуться.

Рядом с ним стоял Цзи Лючэнь.

Краснота в уголках глаз уже сошла. Черты его лица обладали той красотой, что сама по себе — преступление. Взгляд был холодным, как отражение луны в воде, а выражение — целомудренно-бесстрастным, точь-в-точь как у того самого юношу-призрачного лиса в белых одеждах, что когда-то пленил весь Чжуинь.

За восемь лет он стал тем, кем был Цзи Саньмэй в прошлом.

Теперь, когда этот негодяй Цзи Саньмэй восстал из мёртвых, он наконец сможет снова стать тем самым щенком, что носился сломя голову и таскал его за рукав, называя «старшим братом Вэй Юанем»?

Но взгляд Цзи Лючэня был неотрывно прикован к Цзи Саньмэю. Он наблюдал за взаимодействием Шэнь Фаши и Цзи Саньмэя, и его обычно ледяное лицо выражало глубокую озабоченность.

К вечеру компания из четверых разрослась до шестерых. Они снова собрались за тем же столом. Угощал Цзи Лючэнь, заказав целый стол добротных блюд, от чего у Цзи Саньмэя заныла душа.

А когда Цзи Лючэнь специально поставил перед ним тарелку с жареными куриными попками в остром перце, у Цзи Саньмэя заныла уже и нижняя половина тела:

— Это ещё что такое?

<http://bllate.org/book/16281/1466326>